

**НАУЧНЫЙ
ФОРУМ**
nauchforum.ru

ISSN 2542-1271

№12(100)

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

МОСКВА, 2025

НАУЧНЫЙ ФОРУМ: ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Сборник статей по материалам С международной
научно-практической конференции*

№ 12 (100)
Декабрь 2025 г.

Издаётся с ноября 2016 года

Москва
2025

УДК 008+7.0+8

ББК 71+80+85

Н34

Председатель редакционной коллегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Жамулдинов Виктор Николаевич – канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического университета, Республика Казахстан;

Нестеренко Алена Юрьевна – канд. культурологии, эксперт Управления академической экспертизы НИУ ВШЭ;

Фролова Юлия Сергеевна – д-р соц-х наук, профессор, зав. кафедрой Гуманитарных дисциплин и английского языка Каспийского института морского и речного транспорта филиала ФГБОУ ВО «ВГУВТ».

Н34 Научный форум: Филология, искусствоведение и культурология:
сб. ст. по материалам С междунар. науч.-практ. конф. – № 12 (100). – М.:
Изд. «МЦНО», 2025. – 44 с.

ISSN 2542-1271

Статьи, принятые к публикации, размещаются на сайте научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

ББК 71+80+85

ISSN 2542-1271

© «МЦНО», 2025

Оглавление	
Раздел 1. Искусствоведение	4
1.1. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	4
ОБРАЗ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ ИКОНОГРАФИИ НА ПРИМЕРЕ ХРАМОВ ПОДМОСКОВЬЯ Стецюра Татьяна Дмитриевна	4
1.2. Музыкальное искусство	9
ВЛИЯНИЕ ОПЕРНОЙ ДРАМАТУРГИИ НА ЭМОЦИОНАЛЬ-НОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗРИТЕЛЕМ ИГРОВОГО КИНО Садихова Арзу Азруманова	9
Раздел 2. Культурология	16
2.1. Теория и история культуры	16
РОЛЬ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В АНАЛИЗЕ И ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАКОМ Хайдер Али Обид	16
Раздел 3. Литературоведение	29
3.1. Теория литературы. Текстология	29
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: КОРПУСНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА Эргашова Робия Алишер кизи Нуритдинов Шухрат Бакирович	29
Раздел 4. Языкознание	36
4.1. Сравнительно-историческое, типовидческое и сопоставительное языкознание	36
ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «РЕАЛИЯ» В ПОСОБИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ И СТРАНОВЕДЕНИЮ Пестунова Дарья Сергеевна Рычкова Людмила Васильевна	36

РАЗДЕЛ 1.
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

**1.1. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-
ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА**

**ОБРАЗ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ
АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В СОВРЕМЕННОЙ
ИКОНОГРАФИИ НА ПРИМЕРЕ ХРАМОВ
ПОДМОСКОВЬЯ**

Стетиура Татьяна Дмитриевна

канд. ист. наук, доц.,

Государственный университет просвещения,
РФ, г. Москва

**THE IMAGE OF THE HOLY BLESSED PRINCE
ALEXANDER NEVSKY IN MODERN ICONOGRAPHY
USING THE EXAMPLE OF TEMPLES IN THE MOSCOW
REGION**

Stetsiura Tatiana Dmitrievna

*Candidate of Science, Associate Professor,
State University of Education,
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматриваются основные моменты развития иконографии святого благоверного князя Александра Невского в современном церковном искусстве на примере храмов Московского региона, делается вывод об изменениях в иконографии святого в ответ на требования времени.

Abstract. The article examines the main aspects of the development of the iconography of the Holy Blessed Prince Alexander Nevsky in modern church art, using the example of churches in the Moscow region, and draws

conclusions about changes in the iconography of the saint in response to the demands of the times.

Ключевые слова: Александр Невский; святой; иконография.

Keywords: Alexander Nevsky; saint; iconography.

В настоящее время на территории Подмосковья насчитывается немногим более 70 действующих храмов и часовен во имя Святого благоверного князя Александра Невского (по данным сайта sobory.ru их число на начало ноября 2025 г. – 71, однако в этом списке не учитываются Александро-Невские приделы в многопрестольных храмах) [2].

Действуют также два Александро-Невских женских монастыря: деревне Маклаково Талдомского городского округа Московской области, и в Акатово под Клином.

Во всех этих храмах и обителях имеются иконы Святого благоверного князя Александра, а также, если храм украшен фресками, росписи на сюжеты из жития святого. Но если даже храм освящен не в честь святого Александра Невского, в нем можно увидеть образ Святого благоверного князя Александра либо в иконостасе (в дейсусном чине), либо на стене или в специальном киоте. Среди этих икон и фресок имеются старинные (XVIII – начала XX вв.) и современные изображения.

Старинные изображения выполнены, как правило, в «академическом» стиле, в соответствии с постановлением Святейшего Синода от 1724 г., согласно которому Святого надлежало изображать только в воинских доспехах и царской мантии, подбитой горностаем, но отнюдь не в монашеском одеянии (согласно Житию, перед смертью Александр Невский принял схиму с именем Алексий).

В начале XX в. от этого правила стали наблюдаваться некоторые отступления под влиянием религиозной живописи В.М. Васнецова и М.В. Нестерова – Святой благоверный князь Александр стал изображаться не в западных железных латах и горностаевой мантии, а в древнерусском княжеском костюме – длинном кафтане, подпоясанном богато украшенным поясом, с наброшенным на левое плечо плащом-корзно, в красных сапожках, иногда даже без доспехов.

Произошли изменения и в композиции изображения на иконе – если на большинстве икон XVIII–XIX вв. фигура Святого благоверного князя была расположена лицом к молящимся, а поза была застывшей (правая рука сжимала хоругвь с образом Спаса Нерукотворного, левая лежала на рукояти меча либо покоялась на небольшом столике с атрибутами верховной власти – скипетром и державой), то в начале XX в. иконописцы предпочитали изображать Святого Александра Невского

погруженным в глубокую молитву за землю Русскую – стоящим в пол оборота, со склоненной головой, прижатой к груди десницей, левой же рукой Святой мог или придерживать щит, или держать меч чуть ниже крестовины, так, чтобы оружие походило на крест.

Для подобных изменений были основания. На иконах XVIII–XIX вв. Святой благоверный Александр Невский представлял прежде всего покровителем российской государственности и царской власти (вспомним, что три российских императора, правивших в XIX в., носили имя Александр). В пору же военных и внутригосударственных потрясений начала XX столетия (Русско-японская война, Первая российская революция) более понятным и дорогим сердцу каждого православного христианина стал подвиг бескровного мученичества Святого благоверного князя Александра, его смирения перед Ордой во имя сохранения народа и веры.

Об этом писали и лучшие духовные писатели того времени. Е.Н. Погожев (Евгений Поселянин), неоднократно обращавшийся в своем творчестве к жизни и деяниям Святого благоверного князя Александра Невского, рассказывал своим взрослым и юным читателям не только о воинских доблестях победителя шведов и крестоносцев-тевтонов, но и прославлял его как «нравственное солнце», обогревающее обездоленный народ, поддерживающее в нем силы для лучшего будущего [1, с. 31].

Немало сделали для популяризации образа Александра Невского как великого исторического деятеля в дореволюционный период и светские историки конца XIX – начала XX в. Выходило много просветительской литературы для народного чтения, в которой подробно рассказывалось об эпохе Александра Невского и о деяниях святого князя.

Проводились чтения по русской истории для фабрично-заводских рабочих, исторические чтения в школах и тому подобные мероприятия.

Поэтому к началу Первой мировой войны и в ходе ее почитание Святого благоверного князя Александра Невского значительно усилилось.

Так же было и во время Великой Отечественной войны, когда не только Церковь, но и светские власти призывали вспомнить подвиги наших славных предков, в том числе Александра Невского.

Для современных православных христиан Александр Невский – это, с одной стороны, историческая личность, о которой известно с детства, со страниц школьных учебников, с другой – небесный покровитель земли Русской. Та «имперская атрибутика» (скипетр, держава, мантия), которая имела глубокий смысл для людей, живших сто и более лет назад, сейчас утратила свое значение, зато на первый план выступает историческая достоверность иконописного изображения, его воздействие на чувства молящихся.

Поэтому современные российские иконописцы ориентируются при изображении Святого благоверного князя Александра Невского в первую очередь не на канон Петровской эпохи, а на лучшие образцы иконописи начала XX в., воспроизведя в общих чертах описанный ранее иконографический тип Святого благоверного князя Александра Невского «в молении» – со смиренно склоненной головой и прижатой к груди десницей, в богато украшенном древнерусском княжеском одеянии, с благородными чертами лица, короткой бородкой, волнистыми волосами до плеч.

Таковы, например, икона Святого благоверного князя Александра Невского в иконостасе храма в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» в деревне Чурилково городского округа Домодедово, аналойная икона и икона в киоте, находящиеся в Троицком Александро-Невском женском монастыре в Акатово, чтимая икона из Александро-Невского храма в Звенигороде.

Есть иконы, на которых Святой благоверный князь Александр изображен не в древнерусских одеждах, а в византийском доспехе, подобно тому, как изображают, например, святого воина Феодора Стратилата.

Такое изображение имеется, например, в иконостасе Троицкого Александро-Невского женского монастыря в Акатово.

Это можно счесть отступлением от сложившейся в России традиции изображения Святого Александра Невского, но если подобное изображение соответствует стилю, в котором выполнен весь иконостас, оно смотрится гармонично.

Есть изображения, которые исполнены в живописной манере, напоминающей советскую и современную российскую историческую живопись. Таковы, в частности, росписи церкви во имя Святого благоверного князя Александра Невского в деревне Степанцино городского округа Воскресенск Московской области.

В настоящее время, когда Россия борется за обеспечение национальной безопасности, укрепление суверенитета и территориальной целостности в условиях международных вызовов, Александра Невского все чаще изображают на иконах с воздетым обнаженным мечом (подобное изображение, в частности, находится в Вознесенском соборе Звенигорода).

Это не является новшеством в иконографии святых воинов.

Так изображали, например, святого великомученика Димитрия Солунского. Однако это свидетельствует о смещении акцента в восприятии образа Александра Невского – не только как мудрого государственного деятеля и дипломата (в частности, на этом акцентировалось внимание в первое десятилетие XXI в.), а в первую очередь как воина.

Примечательно, что зачастую на современных храмовых фресках, наряду с фигурой самого князя и его воинства присутствуют изображения его противников – крестоносцев, зачастую исторически недостоверные, однако усиливающие эмоциональное впечатление на зрителя.

Количество примеров каждого типа современной иконографии Святого благоверного князя Александра Невского в храмах Подмосковья можно было бы умножить, но уже на основании перечисленного можно сделать вывод о том, что современная иконография Святого благоверного князя Александра Невского, с одной стороны, оперативно отвечает на запросы времени, с другой – является «умозрением в красках», зримым выражением духовной сути подвига великого князя, стяжавшего не только мирскую известность и народную память в веках, но и славу святого.

Список литературы:

1. Погожев Е.Н. Святые дети русские и детские годы русских святых / Е. Поселянин [псевд.]. – 2. изд. – СПб. : Училищ. совет при Святейшем Синоде, 1909. – [2], 162, II с.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sobory.ru/filters/?SelArea=1&SelDistr=null&SelCity=null&SelEpx=0&SelType=no&SelStyle=0&SelThrone=15&g1=OR&g4=list&g3=all&g2=all&g5=yes&g6=all&g7=all&Ok=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 01.11.2025)

1.2. МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ВЛИЯНИЕ ОПЕРНОЙ ДРАМАТУРГИИ НА ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗРИТЕЛЕМ ИГРОВОГО КИНО

Садикова Арзу Арзуманова

*аспирант,
институт Современного искусства (ИСИ),
РФ, г. Москва*

THE INFLUENCE OF OPERA DRAMA ON THE VIEWER'S EMOTIONAL PERCEPTION OF FEATURE FILMS

Sadikhov Arzu Arzumanova

*Graduate student,
Institute of Contemporary Art (ISA),
Russia, Moscow*

Аннотация. В статье рассматривается влияние принципов оперной драматургии на эмоциональное восприятие зрителями художественного кино. Отмечается, что опера как синтетический жанр, объединяющий музыку, драму и зрелищность, исторически выработала приёмы эмоционального воздействия, которые были восприняты кинематографом. Анализируются общие черты оперы и кино и показывается, каким образом эти элементы оперной поэтики используются в аудиовизуальном языке кинематографа. Приводятся примеры использования оперной музыки и сюжетов в фильмах для создания эмоциональных кульминаций и глубокой эмпатии зрителя. Делается вывод, что тенденции оперной драматургии обогащают выразительные средства киноискусства, усиливая эмоциональное переживание зрителем экранного действия.

Abstract. The article examines the influence of the principles of opera drama on the emotional perception of feature films by viewers. It is noted that opera, as a synthetic genre combining music, drama and entertainment, has historically developed techniques of strong emotional impact that have been adopted by cinema. The article analyzes the common features of opera and cinema and shows how these elements of opera poetics are used in the

audiovisual language of cinema. Examples of the use of opera music and plots in films to create emotional climaxes and deep empathy of the viewer are given. It is concluded that the borrowing of opera drama enriches the expressive means of cinematography, enhancing the viewer's emotional experience of screen action.

Ключевые слова: оперная драматургия, кинематограф, эмоциональное восприятие, зритель, музыкальное оформление, экранизация оперы, киномузыка, музыкально-драматическое искусство.

Keywords: opera drama, cinematography, emotional perception, audience, musical design, opera adaptation, film music, musical and dramatic art.

Оперное искусство на протяжении веков зарекомендовало себя как одно из наиболее эмоционально мощных форм сценического творчества. Опера сочетает музыку, вокал, драматическое действие и зрелищность, образуя синтетическое искусство, нацеленное на эмоциональное переживание у аудитории. Драматургия оперы отличается насыщенностью эмоциональных кульминаций, музыкальной разработкой тем и мотивов, которые вместе с сюжетом, сценическим действием создают мощный синтез, способный вызвать душевный отклик слушателя [6, с. 33]. Данные особенности делают оперу «средоточием театра». Кинематограф, возникший позже, также стремится к влиянию на чувства зрителей, используя собственные средства выразительности. Уже первые теоретики киноискусства понимали, что эмоциональное влияние фильма во многом формируется за счёт грамотной драматургии и сопровождающего звукового ряда. Практика мирового кино показала, что многие приёмы, изначально развитые в опере, успешно применяются в художественном кино. Следовательно, исследование взаимодействия оперной драматургии и кинематографа актуально для понимания того, как традиционные формы искусства влияют на современные аудиовизуальные повествовательные структуры и восприятие зрительской аудитории.

Несмотря на различия в природе оперы и кино, их драматургические цели сходны. Учитывая, что опера во многом задаёт стандарты эмоциональной экспрессии, интересно проследить, какие именно её элементы были творчески переосмыслены в игровом кино и каким образом это сказалось на зрительских эмоция [1, с. 121]. Цель исследования – выявить основные оперные драматургические приёмы, присутствующие в кино, и оценить их роль в формировании эмоционального восприятия зрителем фильма.

Под драматургией оперы понимается система организации сценического действия и музыки, призванная раскрыть сюжет и эмоциональный конфликт с максимальной выразительностью [3, с. 47]. Многие музыкovedы говорят, что музыка в опере способна вложить столько эмоций в голос, сколько недоступно в обычном драматическом спектакле. Действительно, благодаря музыке оперная сцена передаёт нюансы переживаний героев и рождает у публики мощный эмоциональный отклик. Каждый компонент работает на усиление художественного воздействия. Опера исторически выработала целый арсенал средств, управляемых чувствами зрителя-слушателя [10, с. 29]. Данные средства включают нарастающее симфоническое развитие тем, красочную оркестровку, резкие контрасты и повторяемые музыкальные темы-символы, которые вбирают в себя психологическую характеристику персонажей. Неудивительно, что режиссёры кинематографа, стремясь усилить эмоциональную компоненту своих фильмов, обратили внимание на опыт оперы.

Никто не будет отрицать, что звуковое оформление кино влияет на эмоциональное состояние зрителя. Ещё М. Горький, посетив в 1896 году первый сеанс «синематографа», отмечал отсутствие звука как серьёзный недостаток «царства теней» [9, с. 71]. С появлением звукового кино, роль музыки приобрела большое значение. Практика использования классической музыки в кино, в том числе оперных арий, сформировала особую традицию эмоциональной стенографии чувств. Знакомые широкому кругу слушателей музыкальные темы раскрывают новые смыслы происходящего и рождают у аудитории новые эмоции. Режиссёры и продюсеры понимают, чтобы вызвать у публики заданное чувство достаточно использовать определённую музыкальную тему. Классическим примером служит использование фрагмента оперы Р. Вагнера «Полёт валькирий». Исторически за этой музыкой закрепилось ассоциативное звучание темы судьбы и битвы, поэтому она не раз цитировалась в боевых сценах кино. Так, в фильме Ф. Кополлы «Апокалипсис сегодня» атака вертолётов сопровождается «Полётом валькирий», что придаёт эпизоду оттенок масштабной, судьбоносной картины с явным эмоциональным посылом. Другим примером является знаменитая сцена из фильма «Побег из Шоушенка», где герой включает запись дуэта из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». Заключённые и зрители замирают от чистоты и красоты оперного пения, переживая краткий миг катарсиса и ощущения свободы.

Важно отметить, что музыка в кино выполняет семантическую функцию. Цитирование классических произведений в кинематографе создаёт особый смысловой слой, который привносит дополнительные

ассоциации и усиливает эмоциональное впечатление от сцены. Музыка в фильме может «озвучивать» невысказанные чувства героев, комментировать происходящее или даже выступать в роли невидимого рассказчика. Именно таковы задачи композитора-саунд-дизайнера по мнению Ф. Гласса – представителя музыкального минимализма, сочинявшего как оперы, так и музыку для кино. Как отмечается в исследовании Я. А. Григорьевой, Филип Гласс считал своей целью не просто иллюстрировать кадр, а погрузить слушателя в атмосферу увиденного, задействовать эмоциональное восприятие и вызвать ассоциативные образы [3, с. 49]. Вместе с режиссёром Годфри Реджио композитор достиг этого эффекта в фильме «*Koyaanisqatsi*». Музыка в данном произведении формирует у зрителя собственный поток переживаний. Кинематограф активно перенимает у оперы умение управлять эмоциями публики через звук.

Одним из главных элементов оперной драматургии, пришедших в кино, является система лейтмотивов. Первоначально разработанные в опере как музыкальные темы, неразрывно связанные с определёнными персонажами, идеями или эмоциями, лейтмотивная техника оказалась эффективной и на экране. В кино термином «лейттема» обозначают сквозную тему, иными словами, аудио или визуальный образ, много-кратно появляющийся в фильме и имеющий устойчивое значение. Это понятие заимствовано кинематографом именно из музыкально-сценических жанров. Классический кинематограф уже с 1930-х годов использовал лейтмотивы в звуковых дорожках, например, у каждого ключевого героя мог быть свой музыкальный мотив, появление которого в нужный момент сразу вызывало у зрителя узнавание и эмоциональный отклик [2, с. 93].

Лейтмотивы в кино объединяют разрозненные сцены в единое целое и усиливают переживание, ассоциируя музыку с переживаемыми героями чувствами. Яркий мелодический фрагмент, повторяющийся в кульминационные мгновения, способен буквально «условным рефлексом» вызывать у зрителя нужные эмоции. Как отмечает А. А. Комарова, музыкальные цитаты и темы в киноповествовании выполняют универсальные композиционно-драматургические функции, такие, как экспозиция, кульминация или финал, подобно тому, как это происходит в опере [5, с. 12]. Данные приёмы пришли из оперной практики, где лейтмотивы скрепляют музыкальную ткань спектакля и подсознательно управляют вниманием слушателя.

Более того, кино расширило идею лейтмотива, введя понятие визуального лейтмотива, то есть повторяющегося образа или детали, также несущего эмоциональную нагрузку. Это подчёркивает, насколько

сильно оперная драматургия повлияла на язык кино. По сути, многие фильмы выстраивают свою форму подобно музыкальной партитуре, где темы-разделы распределены для достижения оптимального эмоционального воздействия на зрителя.

«Помимо музыки, кинематограф заимствует у оперы и другие драматургические приёмы. Например, стилистика мизансцены и визуальная экспрессия различных кинокартин нередко характеризуются как «оперные». Под этим подразумевают масштабность, театральность, подчеркнутый патетизм изображения, а это качества, свойственные классической опере» [8, с. 34]. Нередко в фильмах можно встретить прямые отсылки к оперным постановкам. Вставки служат достижению особого эмоционального состояния у зрителя. К примеру, режиссёры используют оперные фрагменты для создания атмосферы трагедии или, напротив, иронии. В фильме Г. Ричи «Шерлок Холмс: Игра теней» герои оказываются в Венской опере на спектакле «Дон Жуан», при этом зловещая тема Командора из оперы Моцарта начинает звучать ещё до появления героев в театре, сообщая всей сцене ощущение надвигающейся трагедии. Зритель, знакомый с оперным контекстом, предвосхищает катастрофу. В результате драматический эффект усиливается, и кульминация фильма обретает «оперный» размах. При определении разновидности монолога в кино важнейшую роль играет как его интерпретация, так и синтетичность контекста, представленного взаимодействием вербально-сюжетного и визуального рядов [11, с. 127].

Ещё одним проявлением влияния оперы на кино является жанр фильма-оперы. Начиная с эпохи звукового кино, режиссёры предпринимали попытки перенести оперные произведения на экран, стремясь объединить достоинства обоих искусств. Исследователь Е. М. Тараканова посвящает этому явлению отдельную монографию, где рассматривает творчество выдающихся постановщиков (Ф. Дзеффирелли, Ф. Рози, И. Бергман, Ж.-П. Поннель), работавших над фильмами-операми [9]. Даные работы показывают, что при экranизации оперы режиссёры нередко отходят от документальной фиксации сценического действия и применяют чисто кинематографические средства выразительности, чтобы достичь у экрана того же эмоционального отклика, что рождается у зрителя в зале театра. Сравнительный анализ разных подходов обнаруживает, что прямая съемка оперного спектакля, сохраняя единство сцены, уступает кинофильму в динамике и глубине эстетического воздействия. Поэтому мастера кино стремятся «перевести» оперную драматургию на язык кинематографа, посредством монтажного ритма, разнообразия планов, специальных эффектов, чтобы усилить эмоциональную реакцию зрителей при восприятии оперного сюжета с экрана. В

целом фильмы-оперы и музыкальные фильмы являются наиболее очевидным примером синтеза, при котором оперная основа напрямую определяет структуру и эмоциональный тонус кинокартины. Но и в не музыкальных жанрах оперная образность проявляется опосредованно.

Помимо музыки, в режиссуре кино наблюдается стремление к «театрализации» действительного в целях усиления эмоционального восприятия. Это проявляется в повышенном внимании к визуальной эстетике кадра, ведь опера всегда придавала огромное значение зрелищной стороне. В современной опере, в свою очередь, усиливается развлекательная функция и зрелищность, что исследователи связывают с влиянием массовых медиа и киноиндустрии. Так, происходит двусторонний обмен: кино становится более «оперным» в выражении страстей, а опера перенимает динамику и технологичность кино [10, с. 30]. Для зрителя же стираются границы, эмоциональное погружение достигается как в зале театра, так и перед экраном, порой схожими художественными методами.

Итак, анализ показал, что оперная драматургия существенно обогатила эмоциональный язык игрового кино. Кинематограф заимствовал из оперы прежде всего музыкально-драматические приёмы, которые доказали свою эффективность в управлении зрительскими эмоциями. Музыка, являющаяся сердцем оперы, стала душой и кинофильма. Саундтрек раскрывает внутренний смысл сцен и усиливает переживания аудитории. Взаимопроникновение оперы и кинематографа проявилось и в визуальной сфере: фильмы переняли у оперы любовь к масштабным эффектным кульминациям, символике и театральной выразительности, что делает многие киноповествования эмоциональнее. Зритель, сам того не осознавая, реагирует на кинематографические приёмы, корни которых лежат в оперной традиции [5, с. 20].

Конечно, киноискусство остается самостоятельной областью со своими законами, и оперные влияния в нём творчески переосмыслены. Однако без наследия оперы современный фильм, пожалуй, не достиг бы такого уровня интенсивности эмоционального накала, какой мы наблюдаем в шедеврах мирового кино. Драматургия аудиовизуального произведения во многом работает по схожим принципам с музыкально-сценической. Звуковой и зрительный ряды объединяются, чтобы управлять вниманием и чувствами аудитории, подобно тому, как опера объединяет музыку и действие во имя единого художественного эффекта. Оперная драматургия продолжает жить и развиваться в киноформе, более того, в XXI веке наблюдается новый всплеск синтетических жанров, подтверждающих плодотворность этого союза.

В заключение можно констатировать, что влияние оперной драматургии на эмоциональное восприятие игрового кино заключается в том,

что кино перенимает у оперы средства создания эмоционального сопреживания. При просмотре фильма зритель испытывает сходные чувства, какие вызывает хороший оперный спектакль, и это во многом достигается сознательным или бессознательным использованием режиссёрами и композиторами опробованных оперных приёмов. Исследование данного влияния обогащает как теорию кино, так и практику современной режиссуры.

Список литературы:

1. Бунакова М. Н. Диджитализация оперного искусства: цифровые практики и виртуальные режимы бытования классической оперы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 120–126.
2. Бунакова М. Н. Ключевые трансформации классической оперы в современной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 54. С. 91–96.
3. Григорьева Я. А. Некоторые драматургические и композиционные особенности оперы «Процесс» Филипа Гласса // Актуальные исследования. 2023. № 15(145). С. 45–50.
4. Комарова А. А. Универсальные композиционно-драматургические функции музыкальных цитат в кинематографе (на примере музыки И. Брамса) // Южно-Российский музыкальный альманах. 2021. № 3. С. 6–10.
5. Комарова А. А. Ценностные смыслы музыкальной классики и их трансформация в кинематографе XX–XXI веков (на примере музыки И. Брамса): автореф. дис. канд. искусствоведения. Ростов-на-Дону, 2021. 24 с.
6. Кочергина М. В. Роль Пекинской оперы в развитии художественного кинематографа Китая // Наука в мегаполисе. 2024. № 1(57). С. 32–38.
7. Румянцева А. В., Малькова Л. Ю. «Риголетто»: вариативность экранных форм и специфика постановочных решений классической оперы в кино и на телевидении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2022. Т. 12, вып. 2. С. 259–274.
8. Тавризян А. В. Поэтика киномузыки Томаса Ньюмана: дис. канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2020. 189 с.
9. Тараканова Е. М. Опера и мультимедиа: фильм-опера и мастера западноевропейской режиссуры. М.: Гос. инт-т искусствознания, 2022. 168 с.
10. Хваталь Е. К. Воздействие звукового оформления фильма на эмоциональное состояние и восприятие зрителя // Научный аспект. 2023. № 12. С. 27–30.
11. Шак Т. Ф., Мусиенко В. В. Драматургические функции вокального монолога в музыке отечественного кино (на примере фильма Н. Михалкова «Раба любви») // KANT: Social Science & Humanities. – 2023. – № 2 (14). – С. 122–128.

РАЗДЕЛ 2.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

2.1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

РОЛЬ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В АНАЛИЗЕ И ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ И ОСОБЕННОСТЕЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ИРАКОМ

Хайдер Али Обид

*преподаватель, ассистент,
отдел стипендий и культурных связей,
Багдадский университет,
Ирак, г. Багдад*

THE ROLE OF SIMULTANEOUS INTERPRETATION IN THE ANALYSIS AND STUDY OF CULTURAL DIFFERENCES AND FEATURES OF COMMUNICATION BETWEEN RUSSIA AND IRAQ.

Haider Ali Obeed

*Lecturer, Assistant,
University of Baghdad,
Department of Scholarships and Cultural Relations
Iraq, Baghdad*

Аннотация. Данное исследование посвящено изучению роли синхронного перевода как инструмента анализа культурных различий и коммуникативных особенностей между Россией и Ираком. В работе рассматриваются лингвистические, культурологические и прагматические аспекты синхронного перевода в контексте русско-иракского межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется специфике передачи культурно-маркированных элементов, религиозных

концептов, этикетных формул и невербальных компонентов коммуникации. Анализируются стратегии преодоления межкультурных барьеров, возникающих при переводе между языками различных языковых семей и культурных традиций. Результаты исследования демонстрируют, что синхронный перевод выполняет не только коммуникативную функцию, но и служит важным инструментом культурологического анализа, способствуя более глубокому пониманию особенностей мышления, ценностных ориентиров и поведенческих моделей представителей двух культур.

Abstract. This study examines the role of simultaneous interpretation as a tool for analyzing cultural differences and communication features between Russia and Iraq. The work explores linguistic, cultural, and pragmatic aspects of simultaneous interpretation in the context of Russian-Iraqi intercultural interaction. Special attention is paid to the specifics of transferring culturally-marked elements, religious concepts, etiquette formulas, and non-verbal communication components. Strategies for overcoming intercultural barriers arising during translation between languages of different language families and cultural traditions are analyzed. Research results demonstrate that simultaneous interpretation performs not only a communicative function but also serves as an important tool for cultural analysis, contributing to a deeper understanding of thinking patterns, value orientations, and behavioral models of representatives of both cultures.

Ключевые слова: синхронный перевод, межкультурная коммуникация, культурные различия, Россия, Ирак, переводческие стратегии, лингвокультурология.

Keywords: simultaneous interpretation, intercultural communication, cultural differences, Russia, Iraq, translation strategies, linguistic culturology.

Введение

В условиях глобализации и интенсификации международных отношений синхронный перевод приобретает особую значимость как средство обеспечения эффективной коммуникации между представителями различных культур. Российско-иракские отношения, имеющие долгую историю и охватывающие политическую, экономическую, образовательную и культурную сферы, требуют качественного переводческого обеспечения, учитываяющего глубокие культурные различия между двумя народами.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, активизация двусторонних отношений между

Россией и Ираком в последние годы создает растущий спрос на профессиональных синхронных переводчиков, способных обеспечить не только лингвистическую точность, но и культурную адекватность перевода [Комиссаров 2021, с. 45]. Во-вторых, арабский и русский языки принадлежат к различным языковым семьям и обладают существенными типологическими различиями, что создает дополнительные трудности при переводе [Бархударов 2018, с. 78]. В-третьих, культурная дистанция между православной славянской и исламской арабской цивилизациями требует от переводчика глубоких культурологических знаний и высокой межкультурной компетенции [Садохин 2020, с. 156].

Синхронный перевод в контексте русско-иракского взаимодействия представляет собой не просто механическую передачу информации с одного языка на другой, но сложный процесс межкультурного посредничества, требующий учета множества экстралингвистических факторов. Переводчик выступает в роли культурного медиатора, который должен не только владеть языковой парой, но и понимать культурные коды, ценностные системы, коммуникативные стратегии и поведенческие нормы обеих культур [Katan 2020, p. 89].

Целью данного исследования является комплексный анализ роли синхронного перевода в изучении и преодолении культурных различий между Россией и Ираком. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: выявить основные культурные различия между русской и иракской коммуникативными культурами; проанализировать специфику передачи культурно-маркированных элементов в синхронном переводе; исследовать стратегии преодоления межкультурных барьеров; оценить роль синхронного перевода как инструмента культурологического анализа.

Теоретические основы синхронного перевода и межкультурной коммуникации

Синхронный перевод представляет собой один из наиболее сложных видов переводческой деятельности, требующий от переводчика способности одновременно воспринимать речь на исходном языке, обрабатывать полученную информацию и воспроизводить ее на языке перевода практически без временной задержки [Ширяев 2019, с. 34]. Этот процесс осуществляется в режиме реального времени и предъявляет высокие требования к когнитивным способностям переводчика, его памяти, концентрации внимания и стрессоустойчивости.

С точки зрения психолингвистики, синхронный перевод представляет собой уникальную форму билингвальной речевой деятельности, при которой переводчик осуществляет параллельную обработку

информации на двух языках [Gile 2019, p. 127]. Исследования в области нейролингвистики показывают, что в процессе синхронного перевода активизируются различные области мозга, ответственные за восприятие речи, языковую обработку, память и моторную функцию речепроизводства [Pöchhacker 2021, p. 98].

1. Межкультурная коммуникация как научная дисциплина изучает особенности взаимодействия представителей различных культур, анализирует факторы, влияющие на эффективность такого взаимодействия, и разрабатывает методы преодоления коммуникативных барьеров [Грушевская, Попков, Садохин, 2019].

В контексте переводоведения межкультурная коммуникация приобретает особое значение, поскольку переводчик выступает посредником между носителями разных культур и обеспечивает не только языковую, но и культурную трансляцию [Samovar 2019].

Культурные различия между коммуникантами могут проявляться на различных уровнях: в системе ценностей, коммуникативных стратегиях, невербальном поведении, восприятии времени и пространства, отношении к иерархии и власти, степени прямолинейности в общении. Модель культурных измерений Герта Хофстеде, включающая такие параметры как дистанция власти, индивидуализм-коллективизм, маскулинность-фемининность, избегание неопределенности и долгосрочная ориентация, широко применяется для анализа межкультурных различий [Hofstede 2019, p. 234].

В контексте русско-иракского взаимодействия особую значимость приобретает понятие высококонтекстной и низкоконтекстной культуры, введенное антропологом Эдвардом Холлом. Арабская культура, к которой относится иракская, является высококонтекстной, где значительная часть информации передается через контекст, невербальные сигналы и подтекст. Русская культура занимает промежуточное положение, но тяготеет к высококонтекстности [Тер-Минасова 2019, с. 178]. Это создает определенные сложности для синхронного перевода, поскольку переводчик должен уметь декодировать имплицитные смыслы и адекватно передавать их на языке перевода.

Культурные особенности коммуникации в России и Ираке

Российская и иракская коммуникативные культуры формировались под влиянием различных исторических, религиозных, социальных и географических факторов, что привело к формированию существенных различий в коммуникативных практиках, ценностных ориентациях и поведенческих нормах [Садохин 2020, с. 189].

Религиозный фактор играет ключевую роль в формировании культурной идентичности обеих стран, однако характер религиозного влияния существенно различается. В Ираке ислам является не только доминирующей религией, но и основой общественной жизни, правовой системы и повседневных практик [Samovar 2019, р. 267].

Например, в России религия влияет больше на культурные и моральные нормы общества, часто символически, а в Ираке религия является фундаментом общественного порядка, политики и повседневного быта, влияя на законы и идентичность прямым образом.

Религиозные предписания регулируют многие аспекты социального взаимодействия, включая правила общения между мужчинами и женщинами, нормы вежливости, формулы приветствия и прощания. В России православие, несмотря на свою историческую значимость, играет менее выраженную роль в регулировании повседневной коммуникации, что связано с советским периодом секуляризации [Тер-Минасова 2019, с. 203].

Концепция времени в двух культурах также различается. В иракской культуре преобладает полихронное восприятие времени, характеризующееся гибкостью, ориентацией на отношения и процесс, а не на строгое соблюдение расписания [Hall 2020, р. 156]. В российской культуре, особенно в деловой среде, наблюдается болееmonoхронный подход с акцентом на пунктуальность и планирование, хотя и сохраняются элементы гибкости [Грушевская 2019, с. 112]. В Ираке распространено понятие “иншаАллах-время”: если встреча назначена на 10:00, фактическое начало может быть в 10:30 или даже позже. Люди воспринимают время не строго, полагаясь на Божью волю и обстоятельства. Это считается нормой: никто не удивится, если человек опаздывает, а обещания вроде «завтра» могут означать через несколько дней. Такое отношение основано на религиозно-культурной установке, что все зависит от Аллаха, поэтому нет смысла чрезмерно контролировать время.

В России, особенно в деловой и образовательной среде, принят принцип: «Если встреча назначена на 10:00 – значит, в 9:55 нужно быть на месте». Опоздание воспринимается как проявление: неуважения, непринятие, плохого воспитания. Это связано с идеей рационального планирования, унаследованной ещё от советской системы, где расписание и точность были частью общественной дисциплины.

Эти различия могут приводить к недопониманию при деловых переговорах и требуют от синхронного переводчика не только передачи лингвистического содержания, но и культурной адаптации временных референций.

Коммуникативные стили в двух культурах демонстрируют существенные различия. Иракская культура характеризуется более непрямым стилем коммуникации, использованием метафор, поэтических выражений и эвфемизмов, что связано с традициями арабской риторики и стремлением сохранить гармонию в отношениях [Katan 2020, р. 145]. Русская коммуникация, хотя и не является столь прямолинейной, как западноевропейская или американская, все же тяготеет к большей эксплицитности в выражении мыслей, особенно в профессиональной среде [Тер-Минасова 2019, с. 234]. Переводчик должен учитывать эти различия и находить баланс между буквальной точностью и коммуникативной адекватностью.

Невербальная коммуникация представляет собой еще один важный аспект культурных различий. В иракской культуре жестикуляция более выразительна и интенсивна, физическая дистанция при общении меньше, а прикосновения между представителями одного пола являются нормой [Hall 2020, р. 178]. В российской культуре невербальное поведение более сдержанно, особенно в формальных ситуациях, а личное пространство больше [Грушевская 2019, с. 145]. В Ираке люди часто общаются на близком расстоянии, могут легко касаться собеседника (похлопать по плечу, взять за руку). Это показывает уважение, дружелюбие и искренний интерес. Также иракцы ярко проявляют эмоции: громкая интонация, активная жестикуляция, обширные мимические реакции – норма. Даже при обсуждении обычных тем разговор может выглядеть эмоциональным и объёмным. В России люди чаще держат личную дистанцию – один шаг или больше. При первом знакомстве касания избегаются и могут восприниматься как вторжение в личное пространство. Эмоции демонстрируются сдержанно: русские собеседники могут говорить спокойным тоном, с минимальными жестами. Даже заинтересованность может выражаться внимательным молчанием, без лишней мимики, спокойствие и дистанция означают уважение и серьёзность, а не холодность. В Ираке невербальная коммуникация строится на эмоциональной открытости и телесной близости, а в России – на сдержанности и уважении к личному пространству.

Хотя синхронный переводчик не может непосредственно передавать невербальные сигналы, понимание этих различий помогает ему адекватно интерпретировать интенции говорящего и при необходимости эксплицировать имплицитные смыслы.

Система социальных ролей и иерархических отношений также отличается в двух культурах. Иракское общество характеризуется более выраженной иерархичностью и уважением к возрасту, статусу и социальному положению [Hofstede 2019, р. 298]. Российская культура, несмотря на

советское наследие эгалитаризма, также сохраняет элементы иерархичности, но они проявляются менее жестко [Тер-Минасова 2019, с. 267]. Эти различия отражаются в выборе форм обращения, степени формальности речи и стратегиях выражения просьб и требований.

Лингвистические аспекты синхронного перевода русского и иракского диалекта арабского языка

Русский и арабский языки принадлежат к различным языковым семьям и демонстрируют существенные типологические различия, что создает значительные трудности для синхронного перевода [Бархударов 2018, с. 112]. Арабский язык относится к семитской ветви афразийской языковой семьи, в то время как русский язык принадлежит к славянской группе индоевропейской семьи. Эти различия проявляются на всех уровнях языковой системы: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом [Алексеева 2020, с. 156].

На фонетическом уровне арабский язык обладает рядом звуков, отсутствующих в русском языке, таких как фарингализованные согласные, увулярные и фарингальные звуки [Латышев, Семенов 2018, с. 89]. Это создает трудности при восприятии речи на слух, особенно для переводчиков, не имеющих достаточного опыта работы с арабским языком. Иракский диалект арабского языка, в свою очередь, имеет фонетические особенности, отличающие его от литературного арабского языка, что требует от переводчика дополнительной подготовки и знакомства со специфическими диалектными чертами.

Морфологическая система арабского языка основана на корневой структуре, где трехсогласный корень несет основное лексическое значение, а аффиксы и внутренняя флексия образуют различные словоформы [Baker 2018, р. 134]. Эта система кардинально отличается от флексивной системы русского языка с его богатой системой падежей, родов и глагольных форм. При синхронном переводе переводчик должен быстро распознавать корневую структуру арабских слов и находить соответствующие эквиваленты в русском языке, что требует высокого уровня лингвистической компетенции [Гарбовский 2019, с. 245].

Синтаксические различия также представляют значительную трудность. Арабский язык характеризуется более свободным порядком слов по сравнению с русским, хотя базовый порядок VSO (глагол-подлежащее-дополнение) отличается от русского SVO [Nida, Taber 2018, р. 78]. Предложения в арабском языке часто строятся путем присоединения придаточных конструкций и причастных оборотов, что создает длинные синтаксические цепочки. При синхронном переводе переводчик должен уметь реструктурировать предложение в соответствии с

нормами русского языка, не теряя при этом логической связности и не отставая от темпа речи оратора [Швейцер 2018, с. 167].

Лексические различия представляют собой еще один вызов для синхронного перевода. Арабский язык обладает богатой системой синонимов и семантических нюансов, отражающих культурную специфику арабского мира [Baker 2018, р. 189]. Многие концепты, особенно связанные с религией, социальными отношениями и культурными практиками, не имеют прямых эквивалентов в русском языке и требуют описательного перевода или культурной адаптации. Например, понятия, связанные с исламскими обрядами, социальными институтами или традиционными ценностями, часто требуют дополнительных пояснений или использования заимствований [Katan 2020, р. 201].

Иракский диалект арабского языка добавляет дополнительный уровень сложности. Хотя литературный арабский язык используется в формальных ситуациях, в неформальном общении иракцы часто переходят на диалект, который имеет существенные лексические, фонетические и грамматические отличия [Миньяр-Белоручев 2019, с. 123]. Переводчик должен не только владеть литературным арабским языком, но и понимать диалектные особенности иракского варианта, чтобы адекватно воспринимать и передавать смысл высказываний.

Стратегии преодоления культурных барьеров в синхронном переводе

Эффективное преодоление культурных барьеров в синхронном переводе требует применения комплекса переводческих стратегий, учитывающих как лингвистические, так и экстралингвистические факторы [Комиссаров 2021, с. 178]. Переводчик должен действовать как межкультурный медиатор, обеспечивая не только языковую, но и культурную адекватность перевода.

Одной из ключевых стратегий является культурная адаптация, которая предполагает модификацию культурно-специфических элементов исходного текста для обеспечения их понимания представителями целевой культуры [Katan 2020, р. 234]. Это может включать замену культурно-маркированных реалий на функциональные аналоги в целевой культуре, использование описательного перевода для объяснения незнакомых концептов или добавление культурного комментария. Например, при переводе иракских пословиц и поговорок переводчик может либо использовать функциональный аналог из русской культуры, либо дать буквальный перевод с кратким пояснением культурного контекста [Чужакин, Палажченко 2020, с. 145].

Стратегия эксплицитации применяется для передачи имплицитной информации, которая понятна носителям исходной культуры, но может быть непонятна представителям целевой культуры [Гарбовский 2019, с. 289]. В высококонтекстной иракской культуре многое остается недосказанным и подразумевается из контекста, что требует от переводчика способности распознавать скрытые смыслы и при необходимости делать их эксплицитными в переводе. Однако переводчик должен соблюдать баланс, избегая чрезмерной эксплицитации, которая может привести к искажению коммуникативного намерения говорящего [Алексеева 2020, с. 201].

Компенсация как переводческая стратегия используется, когда невозможно сохранить в переводе все аспекты оригинала [Латышев, Семенов 2018, с. 156]. Переводчик может компенсировать потерю определенных элементов на одном уровне путем усиления других элементов на другом уровне. Например, если невозможно передать игру слов или рифму в переводе, переводчик может компенсировать это усилением эмоциональной окраски или использованием других стилистических средств [Швейцер 2018, с. 189].

Стратегия модуляции предполагает изменение точки зрения или угла рассмотрения при сохранении общего смысла высказывания [Бархударов 2018, с. 167]. Это особенно актуально при переводе между культурами с различными когнитивными моделями и способами концептуализации действительности. Например, арабский язык склонен к более абстрактным и метафорическим выражениям, в то время как русский язык в деловом дискурсе предпочитает более конкретные формулировки [Миньяр-Белоручев 2019, с. 178].

Культурная нейтрализация применяется, когда прямая передача культурно-специфических элементов может привести к недопониманию или негативной реакции [Комиссаров 2021, с. 234]. Переводчик заменяет культурно-маркированные элементы на более нейтральные формулировки, сохраняя при этом общий смысл высказывания. Эта стратегия особенно важна при переводе в чувствительных сферах, таких как религия, политика или гендерные отношения [Katan 2020, р. 267].

Предварительная подготовка и антиципация представляют собой важные стратегии для обеспечения эффективности синхронного перевода [Чужакин, Палажченко 2020, с. 178]. Переводчик должен заранее изучить тематику мероприятия, ознакомиться с ключевой терминологией, исследовать культурный контекст и возможные культурные различия, которые могут повлиять на коммуникацию. Антиципация позволяет переводчику предвидеть возможные трудности и заранее подготовить стратегии их преодоления [Ширяев 2019, с. 145].

Синхронный перевод как инструмент культурологического анализа

Синхронный перевод представляет собой не только средство обеспечения коммуникации, но и ценный инструмент для культурологического анализа и изучения межкультурных различий [Садохин 2020, с. 267]. В процессе перевода переводчик сталкивается с многочисленными проявлениями культурной специфики, которые требуют глубокого понимания обеих культур и способности к межкультурной рефлексии.

Анализ переводческих трудностей может раскрыть важную информацию о культурных различиях между народами [Gile 2019, р. 189]. Элементы исходного текста, которые вызывают наибольшие сложности при переводе, часто указывают на существенные расхождения в культурных концептах, ценностных ориентациях или способах концептуализации действительности. Например, трудности при переводе религиозной лексики с арабского на русский язык свидетельствуют о различиях в религиозных традициях и степени религиозности обществ [Тер-Минасова 2019, с. 312].

Исследование переводческих решений позволяет выявить стратегии культурной адаптации и механизмы межкультурного посредничества [Pöchhacker 2021, р. 167]. Анализ того, как переводчики справляются с передачей культурно-специфических элементов, раскрывает закономерности межкультурной коммуникации и способы преодоления культурных барьеров. Систематическое изучение корпуса переводов может способствовать развитию теории межкультурной коммуникации и совершенствованию переводческой практики [Baker 2018, р. 267].

Синхронный перевод также служит индикатором культурной дистанции между народами [Katan 2020, р. 298]. Чем больше культурные различия, тем сложнее процесс перевода и тем больше переводческих трансформаций требуется для обеспечения адекватности перевода. В случае русско-иракской языковой пары значительная культурная дистанция проявляется в необходимости частого использования описательного перевода, культурных комментариев и адаптационных стратегий [Комиссаров 2021, с. 289].

Переводчик, работающий с русско-иракской языковой парой, накапливает уникальный опыт межкультурного взаимодействия, который может быть использован для более глубокого понимания обеих культур [Садохин 2020, с. 312]. Систематическая рефлексия над переводческим опытом, анализ коммуникативных неудач и успешных переводческих решений способствуют развитию межкультурной компетенции и формированию более полного представления о культурных особенностях России и Ирака.

Обратная связь от участников коммуникации также представляет ценность для культурологического анализа [Gile 2019, p. 223]. Реакция аудитории на перевод, вопросы и комментарии участников мероприятия могут указывать на успешность или неуспешность межкультурной коммуникации и помогать выявлять зоны культурного непонимания. Систематический сбор и анализ такой обратной связи могут способствовать совершенствованию переводческих стратегий и углублению понимания межкультурных различий.

Синхронный перевод может также служить инструментом для выявления культурных стереотипов и предубеждений. Анализ того, как представители одной культуры воспринимают и интерпретируют высказывания представителей другой культуры, может раскрыть существующие стереотипы и способствовать их преодолению. Переводчик, обладающий межкультурной чувствительностью, может способствовать деконструкции стереотипов путем адекватной передачи культурных нюансов и контекстуализации высказываний.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует, что синхронный перевод в контексте русско-иракского взаимодействия представляет собой сложный многоаспектный процесс, выходящий далеко за рамки простой передачи информации с одного языка на другой. Синхронный перевод выполняет важную функцию межкультурного посредничества, обеспечивая не только языковую, но и культурную коммуникацию между представителями двух существенно отличающихся культур.

Анализ культурных особенностей России и Ирака выявил значительные различия в коммуникативных стратегиях, ценностных ориентациях, религиозных традициях, концепции времени и пространства, невербальном поведении и социальных нормах. Эти различия оказывают существенное влияние на процесс перевода и требуют от переводчика не только высокой лингвистической компетенции, но и глубокого понимания обеих культур.

Лингвистические различия между русским и арабским языками, принадлежащими к различным языковым семьям, создают дополнительные трудности для синхронного перевода. Типологические различия на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях требуют применения разнообразных переводческих стратегий и высокого уровня профессиональной подготовки переводчика.

Исследование переводческих стратегий показало, что эффективное преодоление культурных барьеров требует гибкого применения комплекса методов, включающих культурную адаптацию,

эксплицитацию, компенсацию, модуляцию и культурную нейтрализацию. Выбор оптимальной стратегии зависит от множества факторов, включая коммуникативную ситуацию, характеристики аудитории, тип дискурса и специфику переведимого материала.

Синхронный перевод служит не только средством обеспечения коммуникации, но и ценным инструментом для культурологического анализа и изучения межкультурных различий. Систематический анализ переводческого опыта может способствовать более глубокому пониманию культурных особенностей обеих стран и совершенствованию практики межкультурной коммуникации.

Результаты исследования имеют практическое значение для подготовки переводчиков, работающих с русско-арабской языковой парой, для организации международных мероприятий с участием российских и иракских представителей, а также для развития двусторонних отношений между Россией и Ираком. Понимание культурных различий и применение адекватных переводческих стратегий способствуют повышению эффективности межкультурной коммуникации и укреплению взаимопонимания между народами.

Перспективы дальнейших исследований включают более детальный анализ конкретных типов дискурса в русско-иракской межкультурной коммуникации, изучение роли технологий автоматизированного перевода в контексте культурных различий, а также разработку методических рекомендаций по подготовке синхронных переводчиков для работы с данной языковой парой.

Список литературы:

1. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических факультетов высших учебных заведений. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2020. 368 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: ЛКИ, 2018. 240 с.
3. Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. Москва: Издательство Московского университета, 2019. 544 с.
4. Грушевская Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 352 с.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. Москва: Р.Валент, 2021. 408 с.
6. Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания: Учебник для студентов переводческих факультетов высших учебных заведений. Москва: Академия, 2018. 192 с.

7. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. Москва: Московский лицей, 2019. 298 с.
8. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. Москва: Высшая школа, 2020. 310 с.
9. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. Москва: Слово, 2019. 624 с.
10. Чужакин А.П., Палажченко П.Р. Мир перевода: Учебное пособие по устному переводу. Москва: Р.Валент, 2020. 272 с.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва: Либроком, 2018. 216 с.
12. Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. Москва: Военный институт, 2019. 183 с.
13. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation. London: Routledge, 2018. 332 p.
14. Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. 283 p.
15. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Anchor Books, 2020. 298 p.
16. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2019. 561 p.
17. Katan D. Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. London: Routledge, 2020. 424 p.
18. Nida E.A., Taber C.R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 2018. 218 p.
19. Pöchhacker F. Introducing Interpreting Studies. London: Routledge, 2021. 252 p.
20. Samovar L.A., Porter R.E., McDaniel E.R. Intercultural Communication: A Reader. Boston: Cengage Learning, 2019. 496 p.

РАЗДЕЛ 3.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

3.1. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: КОРПУСНЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ В ИССЛЕДОВАНИИ ТЕКСТА**

Эргашова Робия Алишер кизи

студент

*Гулистанского государственного
университета филологического факультета
направления русского языка и литературы,
Узбекистан, г. Гулистан*

Нуритдинов Шухрат Бакирович

*научный руководитель,
преподаватель кафедры русского языка
и литературы Гулистанского
государственного университета,
Узбекистан, г. Гулистан*

**ARTISTIC TEXT AS AN OBJECT OF PHILOLOGICAL
ANALYSIS: CORPUS TOOLS IN TEXT RESEARCH**

Ergashova Robia Alisher kizi

*Student of Gulistan State University,
Faculty of Philology, Russian Language
and Literature Department,
Uzbekistan, Gulistan*

Nuritdivnov Shukhrat Bakirovich

*Scientific supervisor,
Lecturer at the Department of Russian
Language and Literature,
Gulistan State University,
Uzbekistan, Gulistan*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности филологического анализа художественного текста с опорой на современные корпусные инструменты. Определяются понятия филологического анализа и корпусной лингвистики, описываются возможности Национального корпуса русского языка (НКРЯ) как ресурса для изучения произведений русской литературы. Приводятся примеры лексического, семантического и частеречного анализа фрагментов художественных текстов с использованием корпуса (поисковые запросы, частотные списки, конкордансы). Уделяется внимание сочетанию традиционных филологических методов (герменевтики, стилистики) и количественных подходов корпусной лингвистики. Показано, что корпусные методы позволяют оперативно выявлять характерные лексические и семантические особенности авторского стиля и обоснованно дополнять классический филологический анализ.

Abstract. The article examines the specific features of philological analysis of a literary text with the support of modern corpus tools. The concepts of philological analysis and corpus linguistics are defined, and the capabilities of the Russian National Corpus (RNC) as a resource for studying works of Russian literature are described. Examples of lexical, semantic, and part-of-speech analysis of excerpts from literary texts using the corpus (search queries, frequency lists, concordances) are provided. Attention is given to the combination of traditional philological methods (hermeneutics, stylistics) and quantitative approaches in corpus linguistics. It is shown that corpus methods make it possible to efficiently identify characteristic lexical and semantic features of an author's style and to substantively complement classical philological analysis.

Ключевые слова: филологический анализ текста, корпусная лингвистика, Национальный корпус русского языка, лексический анализ, семантическое поле, частеречный анализ.

Keywords: philological text analysis, corpus linguistics, Russian National Corpus, lexical analysis, semantic field, part-of-speech analysis.

Введение

Филологический анализ художественного текста представляет собой системный метод исследования, направленный на показ культурологического статуса произведения через взаимосвязь его формы и содержания, с учётом замысла автора и историко-культурного контекста эпохи [4, с. 64–74.]. Такой анализ включает синтез лингвистического (языкового), литературоведческого и стилистического подходов, традиционно опирается на подробное прочтение текста, изучение его семантики, структуры, авторского языка [4, с. 64–74]. В последние десятилетия к классическим методам добавился корпусный подход – использование электронных языковых корпусов как ресурса для количественного и статистического анализа языка. Корпусная лингвистика предлагает «представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [5, с. 97].

Наиболее объёмным и доступным корпусом современного русского языка является Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Это электронная коллекция текстов разных жанров и периодов (от устной речи до классической прозы и поэзии), снабжённая метаданными (жизнь автора, дата, жанр) и многослойной языковой разметкой (морфологической, синтаксической, семантической) [5, с. 98].

Объём НКРЯ на сегодня составляет несколько сотен миллионов словоупотреблений [2, с. 98]. Основной (прозаический) подкорпус НКРЯ включает тексты XVIII–XXI веков с полной морфологической и семантической разметкой [5, с. 98]. Благодаря этим свойствам НКРЯ предоставляет исследователям крупный и достоверно размеченный материал для изучения лексических и стилистических особенностей авторов и эпох. В то же время филологический анализ текста остаётся комплексным процессом, требующим учёта литературно-исторических, психологических и культурных факторов. Соответственно, интеграция традиционных методов и корпусных технологий открывает новые возможности в литературоведческих исследованиях. Цель данной работы – показать, как применение корпусных инструментов (на примере НКРЯ) дополняет классический филологический анализ художественных текстов, иллюстрируя это конкретными примерами лексического, семантического и частеречного анализа произведений русской литературы.

Материалы и методы

В качестве основного корпуса данных использован Национальный корпус русского языка. Этот ресурс содержит несколько подкорпусов текстов различного типа: основной (прозаические и публицистические

тексты XX–XXI вв. с морфологической разметкой), глубоко аннотированный синтаксический корпус (современные тексты с явно заданной синтаксической структурой), поэтический корпус, корпус СМИ, параллельный (выровненный) корпус и т.д. [5, с. 98]. Для примера анализа в статье выбраны отрывки из классических русских произведений XIX–XX вв. Методы исследования включали типовые приёмы корпусной лингвистики: составление поисковых запросов (по леммам и грамматическим формам), построение конкордансов, частотный анализ, выделение коллокаций и лексико-семантических полей. В корпусных поисковых запросах использовались возможности НКРЯ по фильтрации по автору, периоду, части речи и морфологическим атрибутам. Наряду с этим применялись традиционные филологические методы: интуитивный анализ контекста, привлечение литературоцентрических комментариев, семантическая интерпретация отобранных единиц. Под *лексическим анализом* понимается изучение частоты и сочетаний слов в тексте; *семантическим анализом* – выявление значений и тематических полей слов и выражений; *частеречным анализом* – исследование соотношения частей речи и грамматических форм. Корпусный материал обрабатывался с помощью веб-интерфейса НКРЯ (поиск по Морфологическому поиску, извлечение частотных словарей, визуальный анализ конкордансов). Данный комбинированный подход позволяет объединить «любовь к словесной культуре» и внимание к языковым средствам произведения [4, с. 64–74] с большими объёмами текстовых данных, их систематической обработкой и проверяемыми статистическими результатами.

Результаты

В результате применения корпусных методов к анализу художественных текстов получены данные, демонстрирующие лексические и стилистические особенности авторов. Приведём несколько конкретных примеров.

Лексический анализ. С помощью корпуса можно быстро определить частотные слова и устойчивые словосочетания, характерные для автора или жанра. Так, корпусный анализ стиля Достоевского обнаружил *существенные отклонения* в использовании определённых лексических единиц по сравнению с общей нормой XIX века [1, с. 349]. Например, часто упоминаемое «дискурсивное» слово «кстати» при детальном подсчёте оказалось у Достоевского употреблённым значительно чаще, чем у его современников (коллег второй половины XIX в.) [1, с. 350]. Это свидетельствует об осознанном семантическом ударении и особой интонационной окраске авторского языка. Вообще, по подсчёту индекса идиоматичности для ряда писателей 19 века лидерами оказались Достоевский и Салтыков-Щедрин (у них индекс ≈ 1,5), тогда как у Толстого – 0,44 [1, с. 333]. Такие количественные показатели выявляются только при статистическом анализе корпуса.

Кроме того, на материале НКРЯ можно строить частотные словари для отдельных произведений или авторов. Например, получение частотного списка лексем Анны Карениной Л. Н. Толстого позволило бы сопоставить доминирующие темы текста (через наиболее частотные существительные) с традиционным содержательным анализом.

Семантический анализ. Корпусные методы облегчают исследование смысловых полей и коннотаций слов. Например, для изучения образов «времени» или «природы» в лирике Есенина можно построить конкорданс по лемме «время» и смежным словам, выявив все контексты использования. Наличие лексико-семантической разметки в корпусе НКРЯ дополнительно помогает выделять фонетические омонимы и уточнять значения (задача, требующая детального анализа словарей при традиционном подходе). Корпус позволяет также находить устойчивые сочетания и метафоры: например, запрос по словосочетанию «сердце разрывается» или «душа поёт» покажет нам все случаи их употребления в литературе, что богато иллюстрирует авторские приемы. В описании моделей идиостиля Достоевского был создан тезаурус авторской фразеологии, где семантические поля (например, поле «смерти» или «вины») формируются на основе частот корпуса [1, с. 351–352]. Такие семантические поля помогают понять, какие понятия наиболее значимы для произведения в целом.

Частеречный анализ (морфологический анализ). С помощью корпуса можно быстро подсчитать соотношение частей речи и грамматических форм, выявляя стилистические особенности. В НКРЯ основная часть текстов снабжена автоматической морфологической разметкой [5, с. 98]. Это даёт возможность, например, извлечь все глаголы или прилагательные из текста и изучить их частотность и контексты. В тех же «Записках из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского можно подсчитать, сколько раз автор использовал глаголы несовершенного вида вместо совершенного, что отражает психологическую растянутость времени заключённого. Такая информация дополняет традиционный анализ смысловых оттенков глагольной лексики. Аналогично, процент прилагательных или наречий в тексте указывает на его описательность: например, у пейзажной поэзии обычно выше доля прилагательных, чем в публицистике. Корпусный поиск на уровне частей речи позволяет сразу собрать статистику по этим показателям.

Полученные результаты показывают, что корпусные методы действительно расширяют возможности анализа: они дают точные частотные и статистические данные, которые невозможно быстро получить «вручную». Однако ключевая семантика текста анализируется традиционным методом исследования смысла и образов, а корпус лишь подтверждает или уточняет интуитивные наблюдения.

Корпусный подход является мощным дополнением к традиционным филологическим методам. Филологический анализ текста традиционно стремится выявить гармонию формы и содержания, соотношение языковых средств и авторского замысла [4, с. 64–74]. Корпусные же инструменты позволяют формализовать эту задачу, работая с большими объёмами текстовых данных и количественными показателями [5, с. 98–99]. Необходимо подчеркнуть, что корпусный метод не противоречит традиционному, а дополняет его: он выступает как «инструмент исследования», повышающий точность выводов. Так, определение презентативного корпуса в качестве фона позволяет вычислять статистические отклонения авторского слова от языковой нормы [1, с. 351]. Это даёт лингвисту новые «гипотезы» и подтверждает наблюдения текстового анализа. Корпусная лингвистика, будучи частью прикладной лингвистики, занимается выработкой принципов построения и использования корпусов с помощью компьютерных технологий [5, с. 98–100]. В условиях филологического исследования она предлагает следующие преимущества: мгновенный поиск нужных единиц в пределах огромной коллекции текстов, интегрированный доступ к морфо-семантической информации, а также возможность оперативно обновлять выборку по мере появления новых текстов. В частности, НКРЯ содержит специализированные подкорпусы (газетный, литературный, параллельный и др.), которые могут быть выбраны по тематике и жанру [5, с. 98]. Традиционные методы же опираются на ограниченные выборки и субъективный анализ, поэтому корпусные методы обеспечивают более объективную и воспроизводимую базу для подтверждения филологических выводов.

Заключение

Таким образом, художественный текст в наше время рассматривается как комплексный объект анализа, в котором эффективное сочетание классических филологических приёмов и корпусных технологий даёт наилучшие результаты. Национальный корпус русского языка предоставляет собой огромный и лингвистически надёжный материал для анализа текста [2, с. 227]. Корпусные методы позволяют выявлять характерные лексические, семантические и морфологические паттерны, которые отражают авторский стиль и особенности эпохи (как было показано на примере «кстати» у Достоевского [1, с. 349]). При этом традиционный филологический анализ дополняет корпусный, интерпретируя полученные данные в контексте литературоведческих знаний. Продолжение интеграции этих подходов обещает более глубокое понимание художественных произведений. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением текста исследования (разными авторами и жанрами), а также с разработкой

новых инструментов анализа (когнитивно-поэтические модели, визуализация данных и т.д.) на основе корпусов.

Список литературы:

1. Балашов Е. А., Баранов А. Н., Добровольский Д. О. и др. Корпусная модель идиостиля Достоевского: корпусные технологии в изучении художественного текста. – М.: ЛЕКСРУС, 2021. – 358 с.
2. Игуменцева Т. Ю. Использование ресурсов Национального корпуса русского языка при анализе сравнительных оборотов в обучении русскому языку как иностранному // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Гуманистические и социальные науки. 2023. – № 2. – С. 226–231
3. Жеребило Т. В. Филологический анализ текста // Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 64–74.
4. Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка в литературоведении: краткий обзор // Летняя школа по русской литературе. 2015. – Т. 11, № 4. – С. 344–351.
5. Чеснокова И. Д., Маньшин М. Е. Национальный корпус русского языка как основной инструмент поиска при лингвистических исследованиях (на примере поиска антонимов в публицистических текстах) // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2018. – № 4. – С. 90–101.

РАЗДЕЛ 4.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

4.1. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «РЕАЛИЯ» В ПОСОБИЯХ ПО ПЕРЕВОДУ И СТРАНОВЕДЕНИЮ

Pestunova Darya Sergeevna

*студент,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы,
Республика Беларусь, г. Гродно*

Rytkova Lyudmila Vasильевна

*научный руководитель,
канд. филол. наук, доцент,
проф. кафедры перевода
и межкультурной коммуникации,
Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы,
Республика Беларусь, г. Гродно*

INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT ‘REALIA’ IN TRANSLATION AND COUNTRY STUDY TEXTBOOKS

Pestunova Darya Sergeevna

*Student,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Republic of Belarus, Grodno*

Rychkova Lyudmila Vasilyevna

*Scientific supervisor,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Professor at the Translation and Intercultural
Communication Department,
Yanka Kupala State University of Grodno,
Republic of Belarus, Grodno*

Аннотация. Цель исследования – выявить и сравнить трактовки понятия ‘реалия’ в современных пособиях по переводу и страноведению, а также определить различия этих трактовок. Метод исследования: сопоставительный. Результаты показывают, что в пособиях нет единого подхода к определению понятия ‘реалия’, что позволяет считать это понятие динамичным, и его динамика обусловлена необходимостью адаптироваться к современным задачам межкультурной коммуникации и перевода.

Abstract. The aim of the study is to identify and compare the interpretations of the concept of ‘realia’ in contemporary translation and country study textbooks, as well as to determine the differences between such interpretations. The research method employed is the contrastive one. The results show that there is no unified definition of the concept ‘realia’ in the textbooks. Therefore, it may be considered dynamic and its dynamics is due to the necessity to adapt to current tasks in intercultural communication, translation and interpretation.

Ключевые слова: реалия; перевод; переводоведение; культурные особенности; варваризмы; безэквивалентная лексика.

Keywords: realia; translation and interpretation; translation and interpretation studies; cultural peculiarities; barbarisms; culture-specific words.

Понятие ‘реалия’ занимает одно из центральных мест в современных исследованиях перевода и межкультурной коммуникации, поскольку именно реалии представляют собой уникальные элементы материальной и духовной культуры конкретного общества. Они фиксируют своеобразие национального образа жизни, отражают исторические особенности развития народа и включают широкий спектр культурно обусловленных феноменов – от предметов быта до социальных институтов и национальных традиций. В условиях глобализации, при которой возрастаёт количество межъязыковых и межкультурных контактов, корректная передача реалий становится одним из наиболее сложных и значимых аспектов переводческой деятельности. Ошибки или упрощения в переводе подобных единиц

могут приводить кискажению культурного содержания текста, снижению его аутентичности, а иногда даже возникновению конфликтных ситуаций.

Несмотря на широкое использование термина *реалия*, в научной литературе продолжают существовать различия в его трактовке, что создает сложности как в теории, так и в практике перевода.

Для выявления и анализа основных трактовок понятия ‘реалия’ в пособиях по переводу и страноведению были взяты следующие источники: 1) Л.С. Бархударов «Язык и перевод» (1975) [1]; 2) С. Влахов и С. Флорин «Непереводимое в переводе» (1980) [2]; 3) Г.Д. Томахин «Реалии-американизмы. Пособие по страноведению» (1988) [3]; 4) В.С. Виноградов «Введение в переводоведение» (2001) [4]; 5) А.А. Реформатский «Введение в языковедение» (2004) [5]; 6) В.А. Вернигова «Понятие реалии в современном переводоведении» (2010) [6].

Выбор данных пособий обусловлен тем, что они представляют различные научные подходы и охватывают как переводоведческую, так и страноведческую стороны. Приведем причины выбора конкретных пособий:

1) «Непереводимое в переводе» [2] – фундаментальный труд, посвященный проблеме перевода реалий, в котором авторы впервые подробно систематизировали реалии и предложили классификацию способов перевода различных типов реалий;

2) «Язык и перевод» [1] содержит анализ передачи национально-культурных элементов, к которым относятся реалии, в переводах;

3) «Введение в переводоведение» [4] – один из ключевых трудов в области перевода, в котором рассматриваются принципы передачи лексических единиц с национальной спецификой, включая номинации реалий;

4) «Реалии – американализмы. Пособие по страноведению» [3] – автор пособия рассматривает реалии с точки зрения страноведения, что важно для понимания роли реалий в межкультурной коммуникации;

5) «Понятие реалии в современном переводоведении» [6] – специализированный источник, в котором рассматриваются современные теоретические подходы к изучению реалий в аспекте их передачи в переводах;

6) «Введение в языковедение» [5] – содержит информацию о значении и функционировании слов с национально-культурной спецификой, что помогает понять реалии в более широком языковедческом контексте.

В таблице ниже представлены основные трактовки понятия ‘реалия’ из перечисленных источников, расположенные в хронологическом порядке.

Таблица 1.

Данные пособий по переводу и страноведению

№ п/п	Трактовка реалии
1.	Слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке [1, с. 95].
2.	Слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода [2, с. 47].
3.	Названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. При сопоставлении языков обозначающие эти явления слова относят к безэквивалентной лексике [3, с. 5].
4.	Не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания; носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике [4, с. 37].
5.	Варваризмы. Иноязычные слова, пригодные для колористического использования при описании чуждых реалий и обычая [5, с. 75]
6.	Материально существующий или существовавший предмет, нередко связываемый с понятием «жизнь»; «слова, называющие упомянутые предметы и понятия» [6].

Анализ представленных трактовок позволяет выявить несколько подходов, которые определяют понимание реалий в переведоведении и страноведении. Во-первых, большинство авторов подчёркивают культурную специфику реалий, связывая их с уникальными элементами быта, истории, социальной организации конкретного народа. Подобное понимание отражено как в переводческих трудах (Л.С. Бархударов, В.С. Виноградов, С. Влахов и С. Флорин), так и в пособиях страноведческого характера (Г.Д. Томахин). В этом контексте реалии выступают как знаки культуры,

передача которых требует учета фоновых знаний, прагматики и ассоциаций, характерных для языка оригинала.

Во-вторых, значительная часть исследователей трактует реалии преимущественно как лексические единицы, функционирующие в языке и подчеркивающие национальную специфику текста. В данном случае акцент смещается с предмета или явления на его языковое выражение. Так, В.С. Виноградов, Г.Д. Томахин, С. Влахов и С. Флорин рассматривают реалии как часть безэквивалентной лексики, что предполагает отсутствие прямых соответствий в языке перевода. Это определение важно для переводческой практики, поскольку появляется необходимость выбора специальных стратегий: транслитерации, калькирования, описательного перевода и т. д. Следовательно, реалии становятся не только объектом культурологического анализа, но и источником переводческих трансформаций.

В-третьих, отдельные авторы (например, А.А. Реформатский) рассматривают реалии как варваризмы и иноязычные слова. Такой подход выделяет их функциональную роль в тексте – создание колорита, передачу атмосферы иноязычной среды, акцентирование на культурных различиях или повышение степени аутентичности повествования. Это расширяет понимание реалий – в таком случае это не просто безэквивалентная лексика, здесь добавляются элементы стилистики и прагматики.

Сопоставление трактовок реалии в различных источниках также позволяет выявить различия между понятиями ‘реалия’, ‘безэквивалентная лексика’, ‘варваризм’. В некоторых пособиях дефиниции этих понятий пересекаются, но не совпадают полностью. Если безэквивалентная лексика охватывает любые слова без прямых соответствий в другом языке, то реалии составляют лишь часть этой лексики, связанную с культурной спецификой. Варваризмы же представляют собой элементы языка, введённые в переводящий язык, но сохраняющие характер некой чужеродности, колорита иной страны и культуры. Анализ показывает, что не во всех пособиях проводится чёткое разграничение между этими терминами, что может вызывать трудности в обучении переводоведению.

Понятие ‘реалия’ не является строго фиксированным ни в перевodоведении, ни в страноведении. В пособиях, ориентированных на практическую переводческую деятельность, внимание акцентируется прежде всего на проблеме отсутствия прямых эквивалентов и необходимости применения специальных переводческих стратегий. В работах страноведческого характера, напротив, на первый план выходит культурологическое содержание реалий, их роль в формировании национальной картины мира и в передаче культурного своеобразия текста.

В целом сопоставление выбранных источников демонстрирует, что несмотря на различия в формулировках, авторы сходятся в трех ключевых характеристиках реалий:

- 1) культурная специфика;
- 2) отсутствие прямых эквивалентов в других языках;
- 3) необходимость применения специальных переводческих методов.

Эти характеристики определяют значимость реалий как объекта переводческого анализа и как инструмента развития межкультурной компетенции.

Таким образом, обобщение трактовок, представленных в переводческих и страноведческих пособиях, позволяет сделать вывод о многогранности и неоднозначности понятия ‘реалия’. Разнообразие подходов свидетельствует о том, что данное понятие динамично, и его динамика обусловлена необходимостью адаптироваться к современным задачам межкультурной коммуникации и перевода.

Список литературы:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – Москва: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Влахов С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва: Международные отношения, 1980. – 351 с.
3. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
4. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Изд-во ин-та общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 536 с.
6. Вернигорова В.А. Понятие реалии в современном переводоведении // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2010. – № 3 (34): в 2 ч. Ч. II. – С. 137–141.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

**НАУЧНЫЙ ФОРУМ:
ФИЛОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

*Сборник статей по материалам С международной
научно-практической конференции*

№ 12 (100)
Декабрь 2025 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 11.12.25. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 2,75. Тираж 550 экз.

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: philology@nauchforum.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 1

16+

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru